

Сергей, со скукой смотревший в окно все два часа поездки по плохо асфальтированной дороге петлявшей между перелесками и полями, наконец очнулся: все, приехали. Он выгрузился со своими вещами из привезшего их разновозрастную толпу детей и подростков автобуса, и щурясь от яркого солнца побрел к зданию лагерной администрации. В летний лагерь его буквально силой загнали родители — они захотели отдохнуть от своего отпрыска. Сергей тоже был не против того, чтобы на время освободиться от их навязчивой опеки, но загнать его в эту глушь! Тем не менее он отдал рыжей и толстой тетке-администратору оплаченную родителями путевку и пошел заселяться в палату старшего отряда (парень уже перешел в 11 выпускной класс). Не найдя среди соседей по палате никого, с кем можно было пообщаться, он, от скуки прошелся по территории лагеря. Там все было стандартно: столовая, медпункт, спортгородок и большая асфальтированная площадка для линеек. Сергей прочитал все что было вывешено на доску объявлений, после чего даже записался на участие в двухдневном походе к местной достопримечательности — группе скальных выступов под символическим названием «Семь братьев».

Вот в этом-то походе (по туристическим меркам — всего лишь прогулке по пересеченной местности в 15 километров) с ним и произошел СЛУЧАЙ — то событие, что перевернуло всю его дальнейшую жизнь. Не успели «туристы» отойти от лагеря и пяти километров, как Сергей получил хорошенький удар по бестолковой голове. Когда галдящая толпа подростков, сильно растянувшись, поднималась по крутой лесной тропинке именно ему на макушку упал приличной толщины ствол-сухостой у которого именно в этот момент сломались ветки державшие мертвое дерево на весу. Затем, отпрыгнув в испуге в сторону, он свалился в глубокий овраг и довольно сильно ушибся и пропорол себе ступню на правой ноге осколками разбитой кем-то пивной бутылки. После порядочного переполоха и бестолковой суеты туриста-неудачника на спешно притащенных из лагеря носилках доставили в местный медпункт, в распоряжение фельдшера Любы.

Люба была личностью весьма колоритной — молодая, очень симпатичная женщина, натуральная блондинка с густыми длинными волосами и большими ярко-синими глазами. Достаточно стройная — все обводы, полагавшиеся дамам с параметрами близкими к 90—60—90 у нее наличествовали. Красивые длинные ноги, приятной формы руки с небольшими изящными кистями. Но вот её рост! Целых сто девяносто восемь сантиметров! Рядом с ней все мужчины из лагерного персонала (и не только) выглядели недомерками... Вполне естественно, что они избегали оказываться поблизости от нее всеми способами.

Когда Сергея занесли в медпункт, фельдшерица пропустила носильщиков в смотровую, где велела Сергею раздеться до трусов и помогла ему взобраться на большой плоский стол. Потом попросила всех сопровождающих пройти на выход. Осмотрев громадную шишку на макушке юноши, Люба осторожно взяла его голову руками и качнула из стороны в сторону. Сергей тотчас же почувствовал сильное головокружение и еле сдержал приступ тошноты.

Фельдшерица уверенно отметила:

— Легкое сотрясение мозга налицо!

Затем занялась его ступней — сделала три укола новокаина, обработала рану, и наложила несколько швов, после чего «раненому» обеспечили тугую повязку. Далее пришла очередь

более мелких повреждений. У Сергея был ободран весь правый бок — многочисленные глубокие царапины саднили и кровоточили. Фельдшерица вколола пациенту под лопатку укол от столбняка и начала смазывать царапины йодом. Все шло хорошо, пока она не приблизилась к месту закрытому трусами — под ними тоже были царапины, на светло-сером белье были хорошо видны капельки засохшей крови. Молодая женщина на секунду замешкалась, но тут же решительно потянула трусы вниз и... внезапно отпрянула — выскочив из бельевого складок буквально ей в руку, наливался твердостью и дерзко восставал молодой и крепкий половой член! А пациент, расположенный к ней боком, лежал с закрытыми глазами и делал вид, что ничего не происходит.

Хорошо, что Люба была в перчатках — иначе она бы выкинула что-нибудь неадекватное. А так фельдшерица лишь густо покраснела и схватив салфетку, прикрывавшую лоток с инструментами быстро накинула её на эрегированный орган. Наконец, обработка «тяжких ран» была закончена и трусы больного требовалось вернуть на место. Сергей, сомлевший от обезболивания, все так же пребывал в полусонном состоянии. Люба попробовала вернуть белье на место сама, заведя руки по боками тела юноши и потянув ткань вверх, чтобы не касаться его члена, но ничего не получилось: не убранный салфетка скомкалась и зацепилась за головку все еще твердого органа и мешала в самом ответственном месте.

Фельдшерице пришлось, преодолевая стыд, положить руку на салфетку, под которой находился злополучный отросток, слегка его придавить, а другой рукой вернуть трусы на место. Облегченно вздохнув, она потихоньку вытянула салфетку из трусов Сергея и вытерла пот со лба. Но почти тут же ее вновь прошиб холодный пот: «Там же только что находился его член! А я взяла эту тряпку, и себе на лицо!».

Тут же побежали другие «веселые» мысли:

— Он же не ходячий! А я всех помощников отправила вон... Каталки нет, костылей в этом убогом медпункте иметь не полагается, если заказать в городе — когда еще привезут. Но до кровати-то довести его надо... А потом и в туалет водить придется — молодой парень, наверняка откажется чтобы ему «утку» подносили! Да и мне тогда придется по несколько раз в день к нему под одеяло лазить... (ни медсестер, ни санитарок на крошечный медпункт не полагалось).

Со страдальческим вздохом Люба сунула злосчастную салфетку в карман халата, и взяв «раненого» за плечи, помогла парню сесть, а потом, закинув его руку себе на шею и кое-как сползти со стола — медлить было нельзя — вот-вот кончится действие новокаина и тогда все операции по перемещению «раненого» сильно осложнятся! Минут за пять они на трех ногах доковыляли до палаты-изолятора с двумя койками и фельдшерица с облегчением опустила тушку больного на одну из них. Она откинула простыню (ввиду жаркой погоды одеял на постелях не было), и поправив подушку сказала:

— Отдыхайте ранбольной... — Сергей во время «прогулки» немного пришел в себя и удивленно вскинул голову:

— Как вы сказали?

Люба тоже уже настолько оправилась от смущения, что смогла пошутить:

— Так раненых во время войны называли — чтобы понятно было, что у бойца не чирей вскочил, а боевое ранение. У тебя ведь тоже что-то вроде контузии...

Сергей повалился на разобранную постель, с грехом пополам укрылся простыней и повозившись немного, затих. Фельдшерица пошла в смотровую, прибралась после операции и

вернулась вновь навестить «раненого». Войдя в палату, она услышала, как он шумно втягивает воздух и на выдохе тихо постанывает. Глаза Сергея были закрыты, на лице застыла страдальческая гримаса. Обезболивание закончило свое действие и свежезащитая рана вызывала у юноши волны пульсирующей боли. Люба постояла в дверях с полминуты и участливо спросила:

— Может тебе еще укол сделать? Или снотворного дать?

Сергей приоткрыл глаза, повернул голову в ее сторону и слабо улыбнулся:

— Нет, не надо, чем меньше лекарств, тем здоровее больные...

— Ну смотри, только ведь терпеть боль не так просто, сегодня точно не уснешь.

— А вы посидите со мной, Любовь... не знаю как вас по отчеству...

— Вообще-то Любовь Григорьевна... Но можешь меня называть «тетя Люба» — меня здесь так все дети называют.

— Посидите со мной тетя Люба, — еще раз попросил Сергей, — мы с вами будем разговаривать и я отвлекусь от боли...

— Ну хорошо, только недолго. — фельдшерица подошла и аккуратно присела на край кровати так, чтобы видеть лицо Сергея. Он уже немного оправился и теперь смотрел на нее с любопытством. Потом чуть развернулся, чтобы ровнее лечь на спину и почти шепотом сказал:

— Возьмите меня за руку тетя Люба, мне так станет гораздо легче.

Люба немного поколебалась, но протянула свою руку и парень взял ее мягкую прохладную ладонь. Он немного подержал ее ладонь прижав к груди, а затем вдруг развернул тыльной стороной вверх и поцеловал. Люба дернулась было чтобы вырвать свою руку, но Сергей держал крепко. — Ты чего это раненый творишь? Тебе от удара по голове мозги набок свернуло, что ли?

— Все в порядке тетя Люба, мне действительно стало легче, а руку я вам поцеловал потому, что вы мне очень нравитесь...

Фельдшерица обомлела и несколько секунд не могла издать ни звука. Потом глубоко вздохнула, вспомнила, что перед ней все-таки «ранбольной», да еще и с сотрясением мозга, и вместо гневной отповеди мягко сказала:

— Сережа, больше так никогда не делай и не говори. Это очень нехорошо.

— Но почему? Что нехорошего в том, что я поцеловал руку понравившейся мне девушке и сказал ей об этом?

— Сережа, ты еще ребенок, а я взрослая женщина, и вообще — ты больной, а я — врач и...

— Никакой я не ребенок, перебил фельдшерицу юноша, — в следующем году я заканчиваю школу и поступлю в институт! А вы вовсе не женщина, а молодая девушка и очень мне нравитесь!

Люба вдруг неожиданно для себя хихикнула и ироническим тоном спросила:

— Правда девушка? И когда ты успел проверить?

Сергей слегка смутился, но тут же нашелся:

— Ну я не в этом смысле, а в том, что вы молодая, красивая, умная, добрая и...

— Очень большая, — перебила вдохновенную тираду Сергея раззадоренная его признаниями Люба. — во мне метр девяносто восемь роста и семьдесят кило веса — тоже мне нашел девочку-припевочку!

Сергей молча набычился, но руки ее не выпустил, а неожиданно поцеловал снова:

— Я тоже не маленький, у меня рост сто восемьдесят пять, а вес — восемьдесят шесть! И вообще — разве рост женщины играет роль, если она нравится мужчине?

Люба несколько секунд осмысливала сказанное, потом горько улыбнулась и выдала наболевшее:

— Эх, Сережа, да я всю жизнь мучаюсь из-за своего роста. Как в восьмом классе вымахала выше всех, парни меня десятой дорогой стали обходить. А мое школьное прозвище знаешь какое было — «Тетя Дылда», вот так вот. И в институте парни шарахались как от чумы, и когда работать начала... А ты меня в девушки записал... балабол.

Люба вновь попыталась освободить свою руку и резко дернулась. Сергей неожиданно легко выпустил ее, женщина потеряла на секунду равновесие и ища точку опоры, чтобы не свалиться больному на пораненную ногу, угодила освободившейся ладонью прямо на то место, где под простыней расположился член юноши. Он же, мгновенно сориентировавшись, накрыл ее ладонь своей и плотно прижал к наливающемуся твердостью концу.

Растерявшаяся от такой быстрой смены обстановки фельдшерица, вдруг почувствовала, как внизу ее живота разливается приятное тепло, а трусики постепенно намокают. А парень уже потихоньку сжал ее тонкие пальцы, так что они полуобхватили его окаменевший отросток и медленно водил женской рукой вдоль возбужденного органа...

Люба была в панике — еще несколько секунд назад она учила жизни этого сопляка, а теперь уже полулежит на его постели, привалившись к нему грудью и ласкает (пусть и не добровольно) его эрегированный член! Женщина в который уже раз за сегодняшний день густо покраснела и попыталась вновь освободить свою ладонь из плена, но Сергей только плотнее сжал ее пальцы и продолжал ласкать ими свой пульсирующий от похоти агрегат. Еще несколько секунд и фельдшерица с ужасом почувствовала как парень кончает — его член напрягся и несколько раз сильно дернулся под ее пальцами, а на простыне начало расползаться мокрое пятно...

Рука Сергея, прижимавшая ее пальцы к потерявшему твердость концу непроизвольно разжалась и женщина смогла наконец высвободить свою ладонь. Она резко встала и тяжело дыша гневно уставилась на Сергея. Он же, лежал прикрыв глаза и блаженно улыбался. Люба стояла неподвижно почти минуту, раздумывая, что сделать с этим паршивцем за его фокусы, но тут она почувствовала новый прилив горячей влаги в своей щелке и ее пронзила мысль: «У меня же трусы уже насквозь мокрые, пока сидела наверное и через халат протекло... А вдруг он увидит, и поймет, что это я из-за него потекла? Вот будет позорище! Хотя... куда уж позорнее — своей рукой заставила больного кончить!»

Люба подняла свою «опозоренную» руку и посмотрела поближе — на пальцах блестели следы спермы Сергея. Фельдшерица опять начала лихорадочно думать, как быть дальше. «Прежде всего, надо пойти, вымыть руку и сменить трусы! А как же больной? Нельзя его оставлять с такими следами на белье — к нему ведь и навестить кто-нибудь может зайти... И может даже сегодня! А в душ его не затащить — тяжело, да и повязка намокнет. Значит придется принести таз с водой и заставить его помыть свое хозяйство! О Боже, вот так ситуация. А потом ведь еще придется самой стирать заляпанную спермой простыню и ЕГО трусы. И ведь никому не расскажешь и ничего не докажешь! Любой, кто увидит ее с трусами юноши, густо заляпанными спермой в руках, сразу скажет: развратная тетка соблазнила подростка!

Проведя в своих лихорадочных мыслях несколько минут Люба начала постепенно

успокаиваться. Она тяжело вздохнула и сказала севшим голосом:

— То, что ты сделал Сережа, очень плохо и некрасиво, я не ожидала от тебя такого отношения. И раз уж ты заявляешь, что я тебе не безразлична, то мне кажется, что заслуживаю от тебя большего уважения.

Сергей уже не улыбался, а виновато потупившись тоже почти полупшепотом начал извиняться:

— Простите меня, я же не специально, но... вы же сами тетя Люба положили руку мне на ЭТО место...

Фельдшерица опять запунцовела.

— Это вышло случайно, я просто не хотела упасть на тебя и случайно оперлась рукой... не туда...

— Ну вот, видите, а у меня от вашей случайно положенной руки началось... сами знаете что. А дальше я уже не помню... у меня голова закружилась... А потом уже это — он кивнул то место, куда излился его «сок страсти».

— А ведь это выход, — подумала фельдшерица. — пусть все будет якобы случайно...

— Но знаете, когда я очнулся — то почувствовал, как вы своей ручкой сжимаете мой... ну вот... А еще, когда вы лежали рядом со мной, я почувствовал, какая вы нежная и мягкая, как здорово пахнут ваши волосы, и как приятно они щекочут мне лицо...

Люба, несколько смягчившись, и уже слегка улыбаясь сказала:

— Ладно, подхалим и дамский угодник, будем считать, что никто не виноват: я просто потеряла равновесие, а ты просто потерял контроль над собой. Скажи лучше, что дальше будем делать со всем этим безобразием?

Фельдшерица кивнула на расплывшееся пятно на простыне пациента. Сергей растерянно пожал плечами:

— Ну не знаю, наверное и мне и вам надо помыться и поменять мокрое белье...

У Любы екнуло сердце: «Заметил-таки шельмец, пятно на халате!». Но вслух она сказала:

— Ладно, я пойду смою с руки следы твоих безобразий, а потом принесу в тазике воды и ты помоешься. А потом сменим простыню.

Так и сделали. Фельдшерица даже слегка обрадовалась, что казавшееся недавно таким страшным и позорным происшествие так легко разрешилось.

— А парень-то не так прост, сразу повел разговор в нужную сторону! — подумала Люба и лукаво усмехнулась.

Но тут же ее посетила новая тревожная мысль: ведь еще несколько минут назад, лихорадочно размышляя как выйти из неловкой ситуации, она САМА хотела мыть его член, держать его рукой, смотреть как он поднимается вверх и стоит, покачиваясь от возбуждения. От этих видений ее трусы намокли еще больше. Так что принеся Сергею тазик с водой и вручив мыло и губку, фельдшерица чуть не бегом метнулась к себе в кабинет, быстро стянула с себя мокрые насквозь трусы и вдруг резко остановилась:

— А какой смысл менять белье? Ты, подруга докатилась до извращений: потекла из-за сопляка-школьника! Ведь этот юный наглец мне явно понравился и моя предательница-щель в любой момент может вновь возбудиться и намокнуть! Стоит к нему только прикоснуться... А трогать его придется — повязки-то ему менять каждый день полагается... Да и в туалет мальчишку водить надо — там вообще с ним в обнимку ходить будем! Так трусов не напасешься!

И безнадежно махнув рукой, она подтерла «возбужденными» трусами свою влажную пещерку, бросила их в стирку и поменяла только халат — ходить с пятном на интересном месте перед «раненым» все-таки не стоило.

Вернувшись в палату, она увидела, как Сергей, сидевший на табурете отвернувшись от двери, елозит губкой где-то в районе живота. Он опять болезненно морщился и постанывал. Люба мгновенно вспомнив, что она все-таки на работе, подошла к нему и заглянув через плечо сказала:

— Ну, как дела, «раненый»?

— Да уже почти все, сейчас вытрусь только и лягу...

Простыня и трусы испачканные пятнами полусохшей спермы были уже сняты и лежали на другом табурете. Люба подхватила их, быстро скомкала и сказала:

— Ладно, я пойду простирну все это дело, надеюсь до завтра высохнет.

Провозившись со стиркой минут двадцать, фельдшерица решила перед сном еще раз навестить пациента. Войдя в палату, она увидела Сергея, который лежал на спине абсолютно голый — трусы-то в стирке. До соседней койки он, как видно, не дошел (или не захотел пойти). Люба тут же быстренько сдернула чистую простыню с пустой кровати напротив и прикрыла это «эротическое шоу». Но когда она по больничной привычке подтыкала парню простыню по бокам — «чтоб не дуло», то опять почувствовала руку Сергея, которая сжала ее пальцы. Она резко остановилась и неожиданно для себя присела на то же место, где была до «происшествия». Люба помолчала, глядя на его болезненную гримасу и недовольно спросила:

— Ну чего тебе еще, неугомонный?! Еще раз за руку подержать? А потом дать спинку погладить? А может вообще прилечь с тобой рядом?

Сергей прикрыл глаза и шепотом ответил:

— Да... Прилягте рядом тетя Люба, мне сразу станет легче...

Фельдшерица вдруг опять покраснела и тоже почему-то шепотом ответила:

— Ну ты и наглец...

Еще поколебалась немного, потом скептически хмыкнула, покачала головой, и вдруг вытянулась на боку рядом с юношей, стараясь «держаться дистанцию».

— Ну ты и дура, подруга! А с другой стороны... что он мне сделает? — думала Люба, — попробует за грудь ущипнуть, так я ему сразу по руке врежу, да и если что — сразу встану и уйду! Ага, уйду! А самой уже интересно, как он приставать начнет: в лифчик полезет, или сразу в «нижний отсек»...

Сергей опять взял ее за руку, прижал (через простыню) к своей груди и затих. На улице уже темнело, но Люба лежала не включая свет — еще разбужу такого... на свою голову! А сама все ждала, что в темноте парень осмелеет и покусится таки на ее женские прелести. Но он, похоже, уснул... Потихоньку и она придремала, а потом и заснула по-настоящему.

Проснулась она оттого, что кто-то гладил ее по волосам и нежно, едва касаясь губами, целовал в шею. Впрочем, почему кто-то? Фельдшерица мгновенно осознала, что она лежит с пациентом в одной постели и это он ее целует и гладит. Час от часу не легче! Но ведь сама же ждала чего-то подобного... Люба сперва хотела оттолкнуть Сергея, склонившегося над ней, но вдруг почувствовала, что ее щелка между ног опять мокрая и горячая. «Все подруга, вот и попалась, снова он тебя возбудил... Вот блин, как в анекдоте про «пупик и пальчик»... Ага, пальчик... а пальчик-то у него опять стоит как каменный!».

Действительно, член Сергея торчал из-под простыни и уже упирался... нет не в полу халата — пока Люба спала, халат задрался вверх, а полы разошлись. Возбужденный орган парня упирался в ее ГОЛЫЙ лобок!

— Я же без трусов! — с ужасом вспомнила женщина, — а если он сейчас двинет ИМ чуть пониже?

И не успела Люба додумать эту мысль, как Сергей именно так и сделал — опустился чуть ниже, скользнул своим концом по лобку и хлюпающая от выделившейся смазки предательница-щель гостеприимно приняла в себя подрагивавшего от желания «гостя». Правда вошел он всего на треть своей длины, но...

У Любы бешено заколотилось сердце, в глазах поплыли круги и она быстро откинула простыню. Затем, обхватив тело Сергея одной рукой за шею, а другой за голые ягодицы, вдруг со стоном перевернулась на спину и одновременно раздвинула ноги. Член оторопевшего было юноши, оказавшегося лежащим на ней, мгновенно провалился во влажную и горячую пещерку Любы почти на всю свою длину. Парень раздумывал не больше секунды, а потом начал ритмичные движения. Правда продолжалось это чуть больше минуты, затем клейкие горячие струи излились в возбужденное влагалище фельдшерицы. Женщина полежала еще несколько секунд и разочарованно вздохнув сделала было движение чтобы выползти из-под «партнера», но Сергей ее крепко обнял и зашептал на ушко:

— Любушка, потерпи немножко, он сейчас опять встанет и мы продолжим... А пока дай мне свои груди, я очень хочу их поцеловать...

Люба только сейчас заметила что ее бюстгальтер сдвинут наверх, чуть ли не на шею, и ее голые груди находятся в полном распоряжении юноши. Когда успел?! Он целовал ее спелые дыньки, лизал, посасывал и слегка покусывал крупные розовые соски... Женщина почувствовала новую волну возбуждения, а член Сергея моментально отвердев, начал очередной сеанс ритмичных движений внутри гостеприимной дырочки. На этот раз, чтобы дойти до извержения парню понадобилось минут восемь. Люба же, уже дошедшая до «кондиции», почувствовала горячую волну в свой щелке гораздо раньше. Но Сергей не переставал двигаться, а мощными толчками все глубже «вколачивал» свой отросток в ее нежную плоть. Наконец, он сильно, до боли сжал ее груди и тремя мощными ударами буквально «прибил» партнершу к кровати. Во время последнего удара, сквозь боль в стиснутой сильными пальцами груди, женщину вдруг пронзила такая сильная волна наслаждения, что она едва не лишилась чувств. Люба закричала низким грудным голосом, а ее большое тело выгнулось дугой. Руки и ноги фельдшерицы мелко тряслись, лицо исказила гримаса. Все ее прошлые «оргазмы» не стоили и десятой доли ЭТОГО!

Когда она, слегка отдышавшись, открыла глаза, то обнаружила рядом испуганного Сергея, который гладил ее по руке и непрерывно спрашивал:

— Любушка, что с тобой, тебе плохо?!

Фельдшерица же лениво, по кошачьи потянувшись, еле слышно ответила:

— Нет, Сереженька, мне хорошо, мне **ОЧЕНЬ** хорошо!

Она отходила от «пароксизма страсти» минут десять. Сергей, умиротворенный ее ответом, лежал рядом и поглаживал ее по грудям, животу, лобку. Люба улыбалась и бросала короткие благодарные взгляды на «раненого». Наконец, блаженная улыбка сошла с лица женщины и она с притворной строгостью спросила:

— Что ты со мной натворил, Сережа?

— Что?! — испуганно вскинулся парень, — Я тебе сделал больно? Тебе было неприятно? Любушка, я...

Фельдшерица мягко положила свои тонкие пальцы ему на губы:

— Ты не виноват Сережа, ты чудесный мальчик (хоть и порядочный нахал)... Просто тебе «повезло» — ты разбудил во мне женщину... НАСТОЯЩУЮ женщину...

Она замолчала надолго задумалась, потом, горько усмехнувшись продолжила:

— Да, разбудил... Я и не подозревала, что способна на такое... А вот возможностей найти этой проснувшейся даме достойного мужчину очень немного... Так что я даже не представляю, как мне придется жить дальше...

Сергей помолчал, осмысливая сказанное, потом нерешительно возразил:

— Но ведь у тебя теперь есть я... Ты ведь позволишь мне себя еще... любить?

Люба грустно улыбнулась, взъерошила парню волосы и прошептала:

— Эх, Сережа, если бы все было так просто... Я наверное сделала очень большую ошибку... Но ты пробудил во мне ту часть личности, которая способна наплевать на любые ошибки... А насчет того, чтобы еще «любить», а если назвать точнее то, что ты делал — «вылюбливать» тетю Любу — посмотрим на твое поведение! А сейчас — спи!

Сергей пробыл в лазарете почти до конца смены — по понятной причине Люба не стала отправлять его в городскую больницу и каждый день они с фельдшерицей занимались сексом. Люба теперь совсем не носила трусов — замучаешься стирать свои «потёки». Прикрывала свою щелку только легкой прокладкой (чтобы следы ее возбуждений не проникли через халат наружу). Ну и бюстгальтер тоже надевала в дневное время — не дай Бог соски не вовремя заторчат!

Медпункт был пуст, ничего серьезнее царапин и ушибов у юных обитателей лагеря не случалось, так что необычной любовной паре никто не мешал. Фельдшерица почти никогда не отказывала Сергею в близости и он, разохотившись, «вылюбливал» женщину по пять-шесть раз в сутки. Но, уступая частым домогательствам парня, Люба оставалась твердой в других вопросах. Так, например, она не признавала никаких других поз для соития кроме классической, так что Сергею, получившему сексуальное образование путем просмотра с приятелями порнороликов, пришлось придержать свои фантазии. Так же она запретила ему называть себя иначе, как «тетя Люба» и на «вы» — вдруг при посторонних перепутает? Но несмотря на это юноша так привязался к двухметровой белокурой фее, что с трудом представлял, как будет жить без дальнейших встреч с ней уже в городе.

Женщина ублажала Сергея своим прекрасным телом до конца смены, но в последние дни, когда он завел разговор о дальнейших отношениях, твердо заявила ему, что никакого «потом» не будет и категорически отказалась дать ему свои городские адрес и телефон. Она уехала в город на день раньше, чем начали развозить по домам воспитанников летнего лагеря. Прощались любовники в медпункте. Люба позволила ему в последний раз овладеть собой, сходила в душ, не спеша оделась. Потом подошла к юноше, крепко поцеловала его в губы и сказала:

— Прощай Сережа! Надеюсь ты найдешь себе хорошую девушку и заведешь семью... Ты этого достоин. Прощай!

Она подхватила свой небольшой чемодан и пошла в сторону лагерных ворот. Сергей, стоявший столбом едва сдерживая слезы, вдруг «отмер» и сделав несколько шагов вслед за ней негромко крикнул:

— Я найду вас, тетя Люба!

Женщина оглянулась, помахала ему свободной рукой и скрылась за забором.